ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ОГИЗА

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

КОМСОМОЛИЯ

КНИГУ—СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕРЕВНЕ
ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ОГИЗА

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

КОМСОМОЛИЯ

СТРАНИЦЫ ЭПОПЕИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1934

*Отпечатана в 1-й Образцовой типографии
Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига",
Москва, Валовая, 28.*

И вот ко мне приходит память,
А память шевелит губами,
Желая сбросить бремя строк
Про девятнадцатый годок.

. . . .

Каждый он — это новый я.
Я пораньше
Или попозже...

. . . .

Вот она, вот она,
Рабочая
Молодежь,
Родина моя —
Комсомол мой.

Завод — отец. Ячейка — дом.
Семьища — книги, труд, ребята.
Мы в Комсомолии живем —
Стране великой и богатой.

Мне радость — брат, а солнце — тезка.
Вот поле жизни. Я — жнецом.
И вот вам, вот мое лицо,
Лицо рабочего подростка.

Г Л А В А   П Е Р В А Я

КУЛАЦКОЕ ВОССТАНИЕ

1

Ох, этот сон! Ох, злобный комик!
Промчал меня по всей земле,
Примчал в СовМарс — и вдруг в губкоме
Лежу с винтовкой на столе.

Припомнилось: в селе восстанье...
Но разве это Комсомол?
Ребята или марсиане
Сугробом тел покрыли пол?

Но я, — я выполню заданье!..
Привез я тезисов вагон...

Толчок —
И приведен в сознанье
Немарсианским сапогом.

В снеге шинель.
Очи — звезды.
Речь, как шрапнель,
Рвет воздух.

— Встать!

...Тел сугроб
Ожил.
Трубным голосом слово тревоги
Не разобрать,

Чей лоб,
Чьи ноги...

Через минуту —
Тел пласты.
Через минуту —
Каждый застыл,
Слушает речь военкома...

— От имени губкома...

Знайте: враги
Вышли из нор...

Республику береги!

Надо пойти
Кулаков чесать...
Сбор —
Через полчаса.

2

Говор сердечен и тепел.
Четверо нас — в уголок.
В дружной беседе я допил
Долгий, томительный срок.

Мишка, Светлов и Васютка.
Теплый ломоть в зубах.
Вижу, Васютке жутко, —
Прячет свой страх в глазах.

В челюстях сжатое слово
Плюнул бы я изо рта...
Пенится говор Светлова:
— Мысль Наркомпроса пуста...

Что комсомольцу шпоры?
Мчится без них он в опор!
Дали бы только поспорить, —
На ночь затянется спор!

Конь молодой горячится.
Всеми скакнул четырьмя.
Вдруг этот Васька — горчица
Буйную конницу смял.

Вытянул рожицу буден.
Выдавил скорченный смех.
— Может быть, скоро мы будем,
Будем на мушке — у тех...

Стоп скачка,
У ребят горячка.

Брызнули злобу
В переминающиеся глаза.
Слово — как обух,
Мысли — гроза...

...И снова спор. Но не о школе —
О новых козиях кулаков,
О подкрепленьи в Комсомоле,
О подавлении врагов...

Мы лозунг наш не позабыли,
Пусть этот час — наш смертный час,
Мы двадцать раз на смерть ходили,
Не сдрейфим [1] в двадцать первый раз!

Вдруг пятки Мишки замелькали.
— Куда тебя там чорт понес?
И тихо донеслось из дали:
— Забыл внести-и-и... свой членский взнооо-о-ос...

---

[1] Не сдрейфим — не испугаемся.

3

Заря ли, кровь ли...
Пусть кровятся кровли
Изб!
Гей, Комсомолец, крепись!
Все, что тянет к былому назад,
Разобьется, отпрянет, развеется.

Помни, помни голодный взгляд
Рабочего и красноармейца!

Вот кто в холоде, в тифе, войне
Послан миром за хлебом и миром.
Тут же избы кулачьи вдвойне
Заплывают пшеничным жиром.

Кто ведет нас на бой, не любовь ли?
Пусть не дрогнут при битве сердца.
Спите мирно, бедняцкие кровли...
Мир хижинам!
Война дворцам!

Это — грозный урок,
А не мщенье
Тем, кто ловит нас неводом лжи,
Тем, кто лег
Собакой на сене,
На зарытых амбарах ржи.

4

Клочья туч.
Снег скрипуч.
Шаг берет
Шесть рот.
Сжат рот.

Вперед,
Через сугробы вброд!

— Глаз — маяком,
Сердце — взведенным курком.

— В бой, в бой!
Мысли вперебой,
А шаг настороженный редок...

— Рожь
Даешь
Фронту!
Сгоним кулачьих наседок!

Крепче к прикладу локоть...
Там, впереди,
Рот шевелящийся коготь.

Это разведчик...

— Зорче гляди,
Метче!
Гром навстречу.

Огненный кнут..
Щелкнул по руке:
— К реке!

В бой, в бой!
Все гурьбой.

— Васька, не плачь!
Скачи через сугробы вскачь.

Вот рубежи...
Вижу: назад
Бежит...
С ним
Трое.
Врезались
В строй...
Вдруг...

Приклад к щеке.
Лицо сурово.
Рука в курке.
Приказ курку.

. . . .

И грянул выстрел от Светлова,
И тело Васьки — на снегу.

5

От розвальней не сладки ласки,
Особенно когда ослаб...
Рука моя на перевязке,
А каждый миг — ух, ох! — ухаб.

Проходит час — и я в забытьи,
И вижу я еще ясней,
Яснее вижу я события
И жесткий лик последних дней.

Я вижу красный отблеск неба
И в небе полчища ворон,
И новый поезд ржи и хлеба
И на заводы и на фронт.

Я вижу ряд голов склоненных
Иль повалившихся ничком,
А в поле вражий труп в погонах
И с монархическим значком.

И щепки сломанных заборов,
И крики чьей-то там жены,
И двух проклятых мародеров [1]
Перед расстрелом у стены.

---

[1] **Мародер** — солдат, обирающий на фронте убитых товарищей, грабитель.

И страх, и визг, и гнев, и счастье,
И пожелание побед.
И на крыльце, опять у власти,
Советский страж в селе — Комбед.

6

Здравствуй, каморка!
Здравствуй, кровать!
Скушаем корку,
Ляжемте спать.

Каутский[1], Бебель[2]
Лягут на стол.
Выпятил Энгельс
Губы листов.

Что, не дочитан?
Думал, забыл?
Не нарочито! —
Из-за избы...

Брось-ка сердиться!
Я не люблю.
Между страницами,
Может, убьют!

---

[1] Каутский (род. в 1854 г.) — теоретик германских социал-фашистов и II Интернационала. Допуская отступления от марксизма в ранних теоретических работах, в дальнейшем стал на путь полной фальсификации и извращения учения Маркса—Энгельса. С Октябрьской революции — непримиримый и яростный враг Советского союза, активно поддерживает фашистскую диктатуру в Германии.

[2] Бебель (1840—1913 гг.) — один из вождей и основателей Германской социал-демократической партии. Последователь учения Маркса и Энгельса, вел непримиримую борьбу с международным оппортунизмом. Автор ряда известных, доступных широким массам книг, например «Женщина и социализм» и др.

Что ж? Не докончу —
Кончит другой,
Голосом звонче,
Тверже рукой.

Книжное племя,
Будет бубнить!
Будет нам время
Поговорить.

Надо ж, каморка,
Эдак устать!
Скушаем корку,
Ляжем в кровать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАЙКОМ

1

Революция, — думал, — война с гидрами[1]
Она же пошарила по заводу
И вот, пожалуйте, — оттуда выдрала
Меня, как луковицу из огорода.

Да, без нее бы не вышло толка...
Даром ли переволокла в райком?
Помню, в ячейке я знал только,
Что капитал — дракон[1].

Ну, а теперь моих книг трансмиссии[2]
Вертят поболе колес в мозгах...

Тьфу, замечтался!

(А я в комиссии
«О деревенских делах».)

Эвон, как Петька теперь сановит![3]
Надо принять мне ученый вид...

2

Тридцать четвертый тезис.
Невыговариваемый пункт.

---

[1] Гидра и дракон — здесь - легендарные образы отвратительных чудовищ, воплощающих капиталистический мир.

[2] Трансмиссии — передаточный механизм двигательной силы к станкам с помощью приводных ремней.

[3] Сановит — здесь в смысле: серьезен, неприступен.

Чистой бумаги пук
И мозговые рези.

Ясно, как солнце: деревня
Без циркуляров плоха.
Что там, в деревне? Деревья,
Пойма и поле, — соха...

Нам ли быть скованным болью
К прошлому рвущихся нив?
Смерть и сохе и трехполью!
Без рассужденья в архив!

Правда, хоть мы неимущи:
Тракторов, сеялок нет...
Нет? — Ну, так будет в грядущем!
Что нам пространства лет?!

Циркуляр №...
Тезис №...
Пункт №...
Параграф №...

«Братья деревни! Вам речи
Держит райком и союз...
(Где-то кому-то на плечи
Тезисный грохался груз.)

Партия — взрослому. Вы же —
Вождь молодежных масс...
Надо неграмотность выжечь...

(Тотчас! Немедля!! Сейчас!!!)

Клуб надо, сцены и школы...
Пару десятков кружков...
Библиотеки... Футболы...
Выборы — гнать кулаков...

(Это, и это, и это;
То-то, и то-то, и то...)

Жаждет крестьянство света.
Если не вы — так никто...»

Ясно нам все, как на карте.
Так вот, и так вот, и так...

Кто-то пришел из губкома партии.
Что ж он хохочет, чудак?
Видно, не так он полезен
Делу рабочих рук...

★

...Сорок девятый тезис.
Неисчислимый пункт.

3

Вместе везем мы часы в райкоме.
Костя — кучером на передке.
Но почему это красные комья
Каждый день у Кости в платке?

4

Вышел. И сразу метелью освистан.
Ветер! не стал ли ты вдруг кадетом?
Разве подраться с гимназистом?
Где там!
Там у Петьки газета...
Бают, что с речью Ильича...
Кто-то навалился, крича.
Набок шапчонка съехала,
И... — пошла, поехала!

Вот, где, вот оно раздолье!
Лейся, ветер, вейся, снег!
Плачьте вместе над юдолью
Потерявших дверь к весне.

Эти двери — мы же сами.
Мы с заводом, мы в труде..
Ну-ка, ветер, вместе с нами
Кувыркайся в чехарде!

Вон глаза горят, как грозди,
Грозди солнц в оврагах тьмы.
Кто там спросит: кто здесь, что здесь?
Я и мы, и я, и мы,
И я, и мы, и я, и мы,
И я, и мы...

Стоп!
Ямы.

Бултых в сугроб
Лбами...

Перепалки, перебранки!
Смех и снег летит в глаза.
Эх, тальянки, д'медны планки,
Тонки, звонки голоса!

Где вам, тонки, в перегонки
С гулким гонгом [1] крикунов!
Миру рвем мы перепонки
Громким боем буйных слов.

Шире, шире, комсоглотка!
Грянь, грядущего труба!..
Миру стари — злобы водка,
Нам — и радость и борьба.

---

[1] Гонг — звонкий ударный инструмент, металлический диск, по которому ударяют металлическим прутом.

5

И какой это Ленин упрямый!..
Видно, башка такая...
Вот бы, по-моему:
— При прямо!
Нет, не потакает...

Вижу: хвалиться еще нам рано.
Вижу: работать еще нам — беды!
Чувствую: мыслей отчаянных партизаны
Становятся в ряды.

Их бы держать в голове — казарме —
Каждый день
Их требует Октябрь...

Ленин и Маркс!
Обучи эту армию
Маленькую хотя б!

Может, и я пригожусь на дело.
Я не боюсь и костьми лечь...

Что там? Неужели же съезд уземотделов
Лучше, чем любая речь?..

Он говорит, а я читаю.
Радостно-грустно: Лениным посещен.
Вот они, люди! А я — не чета им.
Маленький еще...

(Комната выпила с улицы мглу...
Лист на полу...)
...Пусть же я маленький, глупый к тому же!
И для меня ведь подводным ключом
Льется, бьется и рвется наружу

Мощный родник,
Зовущийся Ильичом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КЛУБ

1

— Гром трещи...
— Гром трещи...
— Переборщи...
— Переборщи...

— Гром и треск...
— Гром и треск...
— Бабий трест...
— Бабий трест...
— Гром трещи...
— Переборщи...

Тайны, великие тайны!
Скажу ль их?

Так и быть,
— Это —
Марш на стульях.

2

Сердце мое бреднем.
Всю бы вселенную[1] поймать!
Трах! — и растянулся в передней,
Поминая мать.

[1] Вселенная — весь мир.

Груда шинелей (постель).
Козлы. Винтовок начищенных отблеск.
Видно, опять всю ночь в метель
Шлялись ребята на обыск...

— Гром трещи...
— Переборщи...

Эдакий бум, да в таком ли доме!
Ну, а снаружи — не занят никем.
Кто бы подумал о подобном содоме
В княжеском особняке?

Князенька! Где же ты держишь пути?
Даже твой дом о тебе не помнит.
Нам, комсомольцам, теперь брести
В дебрях[1] раскрашенных комнат.

...Как отрадно притти в этот клуб
Отдохнуть и побить баклуши.
Прикорнуть где-нибудь в углу,
Нашу жизнь поглядеть и послушать.

Каждый он — это новый я.
Я пораньше
Или я попозже...
Только, может, походка души своя —
То же тесто
И большевицкие дрожжи.

Мысли, мысли! Готовы ли вы?

Вот он —
Лик братвы.

3

Митинг о разверстке на диване.
Зоечка тайно любуется на флакон.

---

[1] Дебри — трудно проходимые места.

Петька на рояли барабанит
Кулаком.

Невдалеке — рояль вторая.
Сторож Ахрютка, шкет [1] и барбос,
Еле-еле пальчиком ударяя,
Бубнит «Марсельезу» под нос.

Кто-то в углу наслаждается репой.
Предгубкоммол подает самовар.
Двое райкомовцев с миной свирепой
Строчат циркуляр.

Ося с великою мукой, ворча,
Книгою мысли целинные пашет.
Ванька показывает, хохоча,
Спину, излупцованную папашей.

— Братцы, скорее! Помыть полы!..
Вышли — пропали.
Сенька высовывает из-под полы
Стянутый шпалер [2].

Возле Валютки собрался сход.
Перекривляет пьянчужку-брата.
— Вот так, ребята, у брата живот!
Просто могила денатурата!

У комсомольцев у нас, у всех:
Нету охоты ни плакать, ни охать.
Только нас тронешь — сыплется смех.
Только заденешь — хохот...

(Где же ты, где же ты, жизнь, улеглась?

Там улеглась, под надвинутой кепкой,
Там, возле кругов у огненных глаз
И под ремнем, перетянутым крепко...)

---

[1] Шкет — малыш.
[2] Шпалер — револьвер.

Очередь, очередь, чаю стакан!
Машет буфетчик хвостом своим длинным.
С радостью завтра — опять к верстакам
Радость сегодня — китайский с ландрином[1].

...Я по читальне — и замер совсем.
Здесь тишина — нетревожимым гостем.
Здесь тишина — а бывают все...
Тише, мой шаг... Не хрустите, кости...

Библиотекарь и двое других,
Как комиссары по тюрьмам с обходом.
Наших друзей среди этих книг
И политических нам — на свободу!

Пушкин и Гоголь, Бальзак[2] и Шекспир...[3]
— Братцы, Плеханыч![4] — встречаем любовно.
Княжеских пленников выпустим в мир...
Библия? Снова в тюрьму! Уголовный!..

В зале большой заседают кружки:
Литературный кружок, политграма...
Мысли — как гвозди. Слова — молотки.
Взмахи — неловки, но бьют — прямо.

---

[1] Ландрин — сорт конфет (леденцов).

[2] Бальзак — крупный французский буржуазный писатель-реалист первой половины XIX века.

[3] Шекспир — величайший английский драматург конца XVI и начала XVII века, отразивший в своих всемирно известных драматургических произведениях эпоху перехода от феодализма к буржуазному строю.

[4] Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918) — один из основателей русской социал-демократии и крупный теоретик марксизма. Ведя в своих теоретических работах борьбу со всякого рода оппортунизмом, Плеханов допускал, однако, при этом ряд серьезнейших ошибок. Шаткость позиции в отношении меньшевиков и большевиков после 2-го съезда партии привела его к фактической поддержке меньшевиков по всем вопросам, а во время войны 1914 г. Плеханов стал на явно меньшевистские позиции и до конца своей жизни (1918) оставался ярым противником диктатуры пролетариата.

Вдруг...
О, громче, сердце, кричи!
Вижу глазами
Из искры пламя.
Там, над тетрадкой
Сидят бородачи
С комсомольцами-учителями.

Вот он рабочий, из тех, кто был
Мозгом — огонь, а губами — как рыбы,
Пишет — ведь пишет! — «мы не рабы»...

Сам он недавно с подполья прибыл.
Целое ухо снес офицер.
На голове, где седые нити,
Выжгли бандиты
«РСФСР».

Знаю: не пикнул, как с дыбы слезал.
Крикнул лишь: «Смерть буржуазному змею!»

...Тут же
Огромная повисла слеза
Над первой
Каракулькой
Своею...

4

Двигаюсь не вдруг.
Радостью до слез застукан...
— Тук, тук...
Где-то стук.
И я бегу за стуком.

Вспомнилось, ветер колышет ковыль...
Кто же
Головы эти клонит?

Вот они,
Девушки наши каковы!
Только с фабрики — в деле тонет.

Каждое горло песню льет.
Каждый мускул работой занят.
А из машинок выползает
Красноармейское белье.

Вот шинели, какие-то починки, —
Только в работе такой уют!
Чудится: и машинки
Поют...

— Стукай, стукай,
Многорукий,
Стукай, гукай,
Стукай, тки.

Любый кто-то
С лютой мукой
Послан в роты
И полки!

Ну-ка, выстукай: «Здорово!
Тут и серп и молоток...»
Сердце в сердце вложит провод,
Сердце в сердце включит ток.

Стукай так, чтоб под шрапнелью
Петь могли бы... над тесьмой!
Чтобы шорохи шинели
Шелестели, что письмо...

Труд и бой
Земле порукой:
Победят
Большевики!..

Стукай, стукай,
Многорукий,
Стукай, гукай,
Стукай,
Тки.

5

Песня зовет и манит,
Даже в горле саднит.
Эх, улыбнуться бы Мане,
Той, что у края сидит.

Трудно двадцатой весне в ней
Смирно на месте сидеть.
Шалая! Песни напевней!
Только бы звенеть...

Всплески двадцатого года
Чем и зачем унять?..
Эх, не пришлось ей сроду
Щей у счастья хлебать.

Знаю: бросают тиной
В Маню жестокой рукой.
Бросил, мол, кто-то партийный,
Бросил какой-то другой.

Видно, нелегкое дело
Глянуть в глаза себе.
Разве запросишь тело,
Натруженное в борьбе?

Только бы не склониться.
Всюду сберечь свое.
То, что для стари — «блудница!»
Юности — «мое!»...

Только бы быть комсомольцем.
Выдробит жизнь весь шлак...

Помню: на фронт добровольцем
Первая Маня ушла.

Это ее «набатом»
Звали в ударных полках.
Это она комбата
Вынесла раненого
На плечах.

Это она в комбата
Выстрелила сгоряча,
«Не приставай, проклятый!»,
Крича.

Бегала Маня из плена...
Слышал я: в бой один
По головам поленом
Била бегущих мужчин.

...Песня зовет и манит.
Даже в глотке саднит.
Эх, улыбнуться бы Мане,
Той, что у края сидит.

Низко пригнулась к машинке.
Сбоку висит наган.
Скрыта в нелепом ботинке
Раненая нога.

Тихо. Застыли иголки.
Выровнялся ковыль...

Вот они, комсомолки,
Девушки наши,
Каковы!

6

Вижу Гончарука.
Треплет рукав.

— Будет тебе лягаться!
Там пришла делегация...
Вышли в залу. Шум.
Буйный спор о каком-то декрете.

Вдруг подножка — и я пляшу
Собственною спиною на паркете[1].
Сколько ведь раз говорил — и поди ж!
Не отучить баловаться, где там!
Сразу роняют престиж[2]
С авторитетом...[3]

Две делегации. Шесть ребят.
Трое из них (с завода Глюка)
Переминаются, затылок скребя
Или поглядывая в руки.

Прочие (палец в рот не клади!)
Затараторили: — Мы рядом...
— Мы беспартийные... к нам приходи...
Очень уж нам ячейку надо...

Политпросвет. Экправ[4].
Раз-два. Заседанье.

Завтра пару новых застав
Выставим против молчанья.

---

[1] Паркет — пол из деревянных плиточек.
[2] Престиж - доверие, уважение.
[3] Авторитет — широкое признание.
[4] Политпросвет, экправ — разделы работы комсомольской организации (политико-просветительная и защита экономически-правовых интересов рабочей молодежи).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НА РАБОТЕ

1

Зимний день.
Бежим с ячейки.
Солнце
Небу набекрень,
Подобно тюбетейке[1].

Кто его, солнце, надвинет на лоб?
Дело к весне, а мороз всё жестче...

— Извозчи-и-ик!
От тумбочки до тумбочки
Во весь гало-о-оп!

Скачет, подпрыгивает голос.
Хохот подкатывается под колеса.

Сзади гудят: душа раскололась,
Ося...
Лишь половину таскаю тут.
Я на фронтах позабыл половину...
(Так вот бывает: вдруг придут
И на ладонь твои мысли вынут.)

— Знаете, братцы? у Кузьмы
Нос по неделе в портфеле спрятан.

---

[1] Тюбетейка — восточный головной убор.

Значит, недаром зовем его мы
Бюрократом...

— За исходящую всадит на мель...
— Из-за бумажки ползет на пузе...
— Так вот и кажется: ходит портфель,
Ну, а к портфелю привешен... Кузя!

Голос подпрыгивает и скачет:
— Братцы, скорей!
А в голове маячит:
«Обследование кустарей».

2

Тут каморка, там подвал,
Радости — как водки в сотке,
Тут машинки, там колодки,
Всетки жизнь...
А кто сказал,
Будто жизнь, а не жестянка?

Труд весь день, а отдых — пьянка...
Так и вертится шарманка:
«Встал — с зарею, лег — луна».

По одевке полунаг.
По обувке полубосый...

В эту жисть бы — вострый нож!
Или лучше, за обглодки,
Как «щенков», лупить колодкой...

Где там! Только ущипнешь,
Только сердце изомнешь.

Ты — у жизни обезьянка.
Как завертится шарманка —
В тридцать лет уже старик.

Кустари!

*

Так певал Валюткин дед.
Песня есть, а деда
Нет.

Где-то за дом
Тюбетейка упала.
Ходим, идем
В подвал из подвала.

Тут
Все то же:
Доски, лак,
Ситец, кожи,
Стол и верстак.
Печка «буржуйка» [1],
Дочка плите.

Все-таки разжуй-ка,
Те или не те?

Вот хоть бы этот
Жирный кустарь.
Брешет на Советы
Из-под куста.
Так бы и бросил
Всех нас в «камин»...
Он! Супоросый,
Керенками! [2]

В комнате рядом
Тоже кустарь.
Все не как надо.
Все не как встарь.
Дочка на воле

---

[1] «Буржуйка» — так называли в эпоху гражданской войны маленькие железные печки.

[2] Керенки — бумажные денежные знаки, выпущенные буржуазным Временным правительством Керенского в 1917 г.

(Ох, женотдел!),
Сын в Комсомоле,
Сам не у дел...

Вот еще некто
(Сам синеблуз)
«Против инспекторов —
За... профсоюз!»
Спорит напрасно,
Только на смех.

Сколько их, разных,
Этих и тех?
Вместе легко лишь
Бить их, «щенков».
— Бьешь, значит, школишь
Учеников.

Праздники снятся лишь
Ученикам:
В день по двенадцати.
Гнись к верстакам!

Голос их сломан,
Взгляды — полынь!
Каждое слово
Из-под полы.

Выдерут завтра,
Если сказать.
Будет им завтрак
В сотую мать!

Лучше язык-от
Свяжь в узелок...
Что ж это «рыкат»
Тот паренек?

Ося, наш Ося,
Вот ты каков!
В каждом вопросе
Жало станков.

Бойся, не бойся —
Выхода нет.
Выдерет Ося
Четкий ответ.

Будет наш Ося
Завтра в суде,
Будет в губпросе
И губтруде.

Список он грозно
Вынет в момент,
Скажет серьезно
Наш ассистент[1]:

— Этих под суд бы...
Здесь им — тариф...
Вот ваши судьбы
Где, кустари!

...Ах, Ося, Ося, синеблузник!
Ты —
В комсомольской коре
Проклевывающийся профсоюзник,
Строитель будущих Со Ре[2].

3

Поздно. Поздно. Домой!
Не было длинней дороги.

---

[1] Ассистент — здесь: помощник.
[2] Со Ре — социалистическая республика.

Будто волочим за собой
Чьи-то чужие ноги.

Чтобы скорее притти,
Надо считать нам до ста...
— Эй, Гаврила, крути!
Мы наработались вдосталь...
В экую даль волокись!

Кто-то схватил за кисть.
Чекист!
— По-до-жди ты...
Там
Эсеро-бандиты...
Ты —
К телефону.
Прочие —
За мной.

Через двенадцать
Пришли домой.

4

Сидим в райкоме,
Рассматриваем «дела».
Вваливается незнакомец.
Этого откуда
Нелегкая принесла?

Мыслей обрывки.
Теплая крепкая рука...
— Кто такой?
— Товарищ Рывкин...
— Член Цека...

Я сижу. Не очухался скоро.
Как же так? — Я понять не мог.

Я-то думал: Цекисты — с гору!
А этот —
Так себе,
Катышок.

...Ночь спустила за окнами ставень.
В мыслях крепкие, ладные слова.
Только день был, все видел, наставил...
Голова!

5

Наш пожар
Потушить сумей-ка!
Мы сжигаем и лень
И сонь.

Каждый день
В завод с завода
Перебрасывается ячейкин
Огонь.

Расцветают глаза-глазищи
(Каждый парень
Сердцем глазаст),
А глазищи-то требуют пищи!
Эту пищу — ячейка даст.

Раньше были «ттакие-сякие»,
А теперь вот, носы задрав,
Ходят парни уже не простые:
— Председатель!
— Политпросвет!
— Экправ!

Эта спесь не останется спесью.
Сзади тянут: работы даешь!
Не с твоих ли гордяческих песен
Обделили в пайках молодежь?!

Мастерам, фабзавкому жара-то!
— Обувь нам... школу нам... шесть часов...
Даром, что ль, говорил оратор:
«Молодежь —
Передовик передовиков!»

А ячейкины дети тоже:
Клуб, знамена, плакат написать...
Каждый дело найти себе может
(Жалко только: нельзя танцовать...)

Сколько дела! И каждое нужно.
Нужно ведь и себе и всем.
Пусть порою ложишься без ужина —
Ты в работе! Ты в РКСМ!

Пусть язык у кого-то клейкий,
Кто-то глупый зовет треплом, —
Знают все, что не только в ячейке,
Каждый к миру теперь прикреплен!

И растут и растут ребята.
Подымаются дети станков.
Нет,
Недаром кричал оратор:
«Молодежь — передовик передовиков!»

Раньше просто вничью бузили,
А теперь на дела понесло...

Комсомол
Этой мощной силе —
Настоящее русло!

Г Л А В А П Я Т А Я

КОМСОМОЛЬСКАЯ ШАМОВКА

1 *

Утром ранним за винтовки.
Днем в заводской трескотне.
Вечерком же в честь шамовки
Собираются ко мне.

Парни хлебом (что такое?)
Тычут в голову мою.
То солома ли с мукою
Иль мука с соломою?

Колбаса или подметка?
То тряпье иль толокно?
Неподдельны лишь селедка
И пшено, пшено, пшено...

Не смотрите, парни, косо.
На пшене и жизнь красна!
Только лишь из «Нарком — проса»
Не создашь «Нарком — пшена».

За пшено хоть в битву ринусь...
Но момент — и в нужный срок
Запевает песню примус
И товарищ котелок.

* Этот отрывок петь на мотив: «Из-за острова на стрежень».

Каждый раз я с новой силой
Этой песней упоен.
Котелок! Дружище милый!
Славу мы тебе поем.

Служишь всем ты нам задаром,
Ты бываешь каждым днем
И портфелем, и амбаром,
И тарелкой, и ведром.

Ты стакан и ты шкатулка,
Ты в походе, ты в труде,
Ты в дежурстве в караулке,
Ты всегда и ты везде.

Покипи еще немножко,
И, как Стенькины челны,
Поплывут к тебе все ложки
На простор пшенной волны.

Комсомольская шамовка!
А в сердцах стальной комок:
Мы, завод, Ильич, винтовка
И товарищ котелок.

2

Кипят сердца и мысли наши,
А речь встревоженно буйна.
Сегодня, после пшенной каши,
Мы учредили трибунал.

Вот Алексей с поникшим взором,
Вот гневный Изя — прокурор.
А лица так и жжет позором
Негаданного слова «вор».

Взгремела речь — и крыть уж нечем.
Нам остается лишь вздохнуть.

Удары прокурорской речи
Вбивают копья в чью-то грудь.

Он говорит — суровый критик —
Что случай переходит в страсть,
Что красть в заводе даже винтик —
Кусочек коммунизма красть.

Их надо гнать с завода палкой,
Они не лучше беляков:
Вместо патронов зажигалкой
Не победим мы Колчаков...

Он кончил. Начинать ли снова?
Он правду нам открыл ключом,
И страшное нависло слово,
Нависло слово «исключен»...

Но тут... вдруг в тишину молчанья
Ворвалась мыслей новых рать
При вопле дикого страданья:
— Товарищи! Мне неча жрать!..

И вдруг поплыли пред глазами
Подвалы пасынков труда,
Коптилка боли над столами
И — сыном за столом — нужда.

Там пальцы горя вкоренились
На горле хлеба и огня,
А он, единственный кормилец,
Как кляча за телегой дня...

Как это близко, как знакомо!
Там были я, и он, и мы...
И вот теперь я член райкома...
И перед нами тени тьмы...

И мне поднять ли первый камень?
Не подымается рука!
Да вылечишь ли тумаками
Невзгоды Лешки-бедняка?

Подумалось: нужда под ними,
Но мы-то сами в дебрях мук.
Мы, поднимаясь, их поднимем
Сплетеньем комсомольских рук.

Он видел свет. Отнять ли снова?
Отнять ведь — что пожать плечом...
...Куда-то в тьму уплыло слово,
Уплыло слово «исключен».

3

Строгий выговор. Кончена речь.
Смех.
У всех
Гора с плеч.

Затараторили. Заговорили.
Кто на полу, кто на кровать.
И лишь сердца не позабыли
На память что-то записать.

Все говорят. И каждый спорит.
Где комсомольцы — там буза!
Держи глаза их на запоре —
Все жизнь глядит
Во все глаза.

4

Уже Валюшка горячится,
Стуча Игнаткой об кровать.

Она кричит ему: «учиться!»
А он в ответ ей: «воевать!»

Подсел и я. Мы вместе спорим.
И лишь охрипши, как труба,
Решаем мы согласным хором:
«И труд, и книга, и борьба».

А рядом Костя вместе с Маней
Планируют: в какой поре
Начнется в Лондоне восстанье:
Весною или в декабре?

Арсений, оспою изрытый,
Заслуженнейший фронтовик,
Рассказывает ртам раскрытым,
Как взял он с ротой броневик.

Поет Никола про лазейки:
Обходят о труде закон.
Грозит разгоном всей ячейки
Эсерствующий[1] фабзавком.

Но век их будет быстротечен,
Идет в ячейку молодежь.
(А пары, ищущих местечек,
Уже в ячейке не найдешь!)

Наш Ося — ишь, какой заботник! —
Бросает пылкие слова,
Что вот опять на наш субботник
Не приходило двадцать два.

Сережа, представляя в лицах,
Как выступал эсер Петрюк,

---

[1] Эсерствующий — состоящий из эсеров и проводящий буржуазную линию контрреволюционной партии социалистов-революционеров.

Ругает видного партийца
За то, что он надел сюртук.

Поет он гимн шинели грязной
(Мол, так и требует билет)
И называет буржуазной
Хотя бы думу о белье.

А Кузя: мой портфель потерян...
А Ида: где мой муж теперь?..
Уходит Зоя с кавалером:
Ведь мама не откроет дверь...

Ушла — и все заговорили,
И в комнате такой шум-гам!
Жестокую пальбу открыли
По новым, внутренним врагам.

...Что значит сон любви великой
И ласковое слово «мать»
Тогда, когда оно веригой[1]
Висит на рвущихся ломать,
Ломать и строить?..

Что такое,
Что значит славное «отец»,
Когда оно зовет к покою
Биенье алчущих сердец?!

Я видел: прикоснулись к ране.
«Уйди, коль надо» — в тайниках...
Немногих — любят, тех — тиранят.
Здесь — избивают, там — никак...

Тут Ваня снова в назиданье,
Рассказывает, как порой
Он убегал на заседанье,
А там отец его порол...

---

[1] Вериги — здесь в смысле: путы.

Поэты! Соловьи-шарманки!
Не там ли, в зареве фронтов,
И тут у нас, в отце и Ваньке,
Живые лица двух миров.

Эй, не зевай!
Запевай!
Каждый встает,
Песню несет.

Песня!
Кто ж о тебе споет?

. . . .

Песня! В сердце жилица!
Влезла куда-то вглубь,
Возится там, копошится,
Не уставая стремиться
В двери смеющихся губ.

Песня не только лучик,
Песня костер в пути.
С нею трудиться лучше,
Легче на бой итти.

Песня и мы... И что же?
Разве не были всегда
Думы о молодежи
Радостной песней труда?

Дума о смене лечит
Язвы и боль пути,
С нею трудиться легче,
Легче на бой итти.

Спаяны кровью одною,
С песнею слились юнцы.
Песня и мы — родное,
Песня и мы — близнецы.

Г Л А В А   Ш Е С Т А Я

МОБИЛИЗАЦИЯ

1 *

Конечно, не без опозданья,
Летим мы на своих-двоих
На всерайонное собранье
(С портфелем и без таковых).

Карябать ямбами [1] не нам бы
В наш городской динамный [2] век.
Но что поделать, если в ямбы
Подчас и жизнь «стремит свой бег»?

Даешь борьбу! и мы заставим
Греметь и биться каждый слог.
Мы Маяковскому [3] поставим
Пятьсот очок.

Но жизнь ведь не всегда волненье.
(А в ритмике [4] художник строг.)
Порою нам нужно теченье
И мужественность ямбных строк.

У жизни ритм тысячезвучен.
Канонов [5] не установить!
Умей же — не веленьем щучьим —
Десятки ритмов уловить!

Одним лишь только эгараамбам [6]
В стихе мы места не найдем...
Итак: четырехстопным ямбом
Мы общее собранье проведем.

А. Б.

---

[1] Ямбы — стихотворный размер.
[2] Динамный — здесь в смысле: машинный.

Что делается в нашем клубе!
Протиснешься едва-едва.
В грядущий серо-синий клубень
Сплелась веселая братва.

Они живые и стальные!
В них сила с лицами слилась,
Где юности ветра шальные
Запутались в оврагах глаз.

В плече еще следы винтовки,
Рука еще звенит: — кую!
Эх-х, полушубки и поддевки
И валенки лепешкою!

...Звонок. Затихло. (Не мгновенно.)
Докладчики! Вам сколько смен?

Ведь на повестке неизменный,
Всеобязательный, всенепременный,
Неумолимый
«Текущий момент».

Докладчики бывают тоже!
Эх, ты, губкомовец в пенсиях!
Как будто лезет он из кожи,
Чтоб «измами»[7] стереть нас в прах.

---

[3] Маяковский (1898—1930 гг.) — крупнейший поэт русской пролетарской революции.

[4] Ритмика — учение о ритме стиха, т. е. правильном чередовании ударных и неударных слогов в стихе.

[5] Канон — установленное правило.

[6] Зга раамба — здесь в смысле: лишенное содержания, заумное стихотворение.

[7] «Измы» — здесь подчеркивается излишнее употребление в речи трудных иностранных слов, которые часто оканчиваются на «изм», например: футуризм, бланкизм и т. д.

Из-за кустов не видно леса.
Ведь мысль оратора — замок,
К которому первейший слесарь
Ключа бы подобрать не смог.

Слова, что не взбредут на ум нам,
Он так и сыплет, так и прет...
(Пока он быть стремится умным,
Позевки раздерут нам рот!)

Но кончил он. И новый некто.
Я слышу (стыд-то, стыд велик!),
Что «контрадикцию адъектор»[1]
Во внутренностях, мол, конфликт!

Не слишком ли тут круто взято?
Ах, Костя, Костя дорогой!
И слушаю я, как марксята
Клянутся Марксовой
Бородой...

Поспорили, поговорили.
Слова, пожалуй, не поймешь,
Но слово поняли, схватили,
— Мобилизацию? Даешь!

«Немедля поручить райкому...
Без добровольцев... разверстать!»
Восторг — от одного к другому.
И эту цепь — не разорвать!
Поет, дыша в одном порыве,
Десяткоглоточная грудь...

Галдят ребята в перерыве
И тянут едкую махру.

---

[1] «Контрадикцио адъектор» — этим автор подчеркивает бесконечный набор иностранных слов, непонятных слушателям.

Пришли к президиуму двое:
— Мы, беспартийные, пойдем...
Кивает Ося головою,
Докладчик, мол, в тебе найден...

Ну, что ж? Секрет речей разгадан.
Мне выступать не первый раз.
Звонок — и я иду с докладом,
Я, отраженный морем глаз.

Пришло знакомое волненье,
Но я привык. Начнешь едва,
Окрепнешь — и через мгновенье
Так нужные идут слова!

Бросаешь слово — малый лучик, —
А снизу солнце понесут...
— Обследованье их научит...
— Хозяев отдали под суд...

Глаза! Я вами, вами вспенен!
Мой голос — ваши голоса!
Глаза! Не в вас ли те ступени,
Которые прошел я сам?

Вон, вижу, парень: он боится
(Буянит же не хуже нас),
Молчит, набравши в рот водицы,
Как я когда-то... в первый раз...

Но знаю: выйдет дело гладко.
Он приобыкнет здесь — и вот
Возьмет себе словцо «к порядку»,
А там поправочку внесет,

Рискнет «по прениям», растает,
Не речи разведет — поток!

И наконец доклад читает —
Он! Тот молчащий паренек....

Я знаю, это будет, будет!
Ах, Комсомолия, ты тут!
Не с неба падают к нам люди,
Они с земли, с земли растут!

Сижу. Устал. Уже кончают.
В глазах моих плывут круги.
Вот Костя, головой качая,
Спеша, подводит итоги.

Но что это? Нагнулся низко —
И вновь глазами с массой слит.
Я видел: Косте не записку,
А телеграмму принесли.

Он говорит. Лишь туже брови,
И так дрожит платок в руке!
Я вижу, вижу сгусток крови
В его трясущемся платке.

. . . .

Он говорит.
Хватаю телеграмму.
«Боря убит.
Мама».

. . . .

А на фронтах гремели грозы,
Рвались снаряды и сердца,
И трехдюймовые оплакивали слезы
Погибель брата и борца.

2

Мобилизация —
Вещь не простая.
Бегаю, настаиваю, грожу.

Я не хожу —
Летаю!

Вдруг на улице встретил летучку [1].
Я — в кучку.

Носа не сунуть не могу...
Вспоминаю, бегу,
Каждого встречного
Матом обкладываю
И —
Падаю.

Вот так глаза у Мишки!
(Выворачивают кишки!
Если ж ты в юбке — тонешь...)

На руках детеныш,
Не то тряпье.
Важно сопит. Пьет.

— Слушай, меня не выдашь?
Это подкидыш...
Думаю усыновить...
Бегу.
Меня не остановить!

3

В двадцать мест
Поспеть не мог,
Я запарился. Каюсь.
Целые дни таскаюсь.
Без задних ног.

Мобилизация...
Столько шуму!

---

[1] Летучка — здесь: уличный митинг, летучее собрание.

Мобилизация —
Не фунт изюму!

Тьфу! Развязались обмотки.
Я
Залетаю к Володьке.
Надо в тепле завязать...

Вижу мать.
На столе
Самоварчик.
Мать кипит самовара жарче.

Сын стоит у окна.
Лбом полирует стекла.
— К нам! —
Вырвалось сгоряча,
И сразу лицо его поблекло.

Кто-то поднялся из-за плеча.
Я
Опрокинул стол, крича,
А со стола свалилось
Удостоверение врача.

Понял. Слабый, полуновый,
С ношей стари на горбу,
Он при выборе суровом
Выбрал маму — не борьбу.

4

В губкоме толчея.
От усталости нет и следу.
Лешка пришел: — И я
Еду.
Просто и сложно,
Как жизнь.

Эй, буржуй,
Осторожно!
Держись!

5

В тех, кто на нас — кол.
Кто мимо нас — пшел!
Время ли для кутерьмы?
Бьем барабан борьбы.
Вместо трубы
Мы
Трубим полкам поход.
Воздух труба рвет:

«Время для песен — пой!
Время для битвы — в бой!
С песнями мир строй,
Стальной строй» *.

Время посеву — сей!
Время летать — рей!
Время ломать — бей!
Время знаменам — взвей,
Знамя зари алей!

Правда борьбы проста:
«Ты для поста» —
И:
«Эй, подойди,
Встань
В тот или этот стан».

Пышных слов не готовь.
Очень проста новь.
Эта новь вновь
Рифмует
Кровь и любовь.

---

* Строфа С. Родова.

Ты против нас? — кол!
Ты мимо нас? — пшел!
Надо рубить — рубим!

Время ли для кутерьмы?
Бьем барабан борьбы.
Вместо трубы —
Мы
Трубим!

6

Взвод теплушек
Выстроился на пути.
Нет, не могу нынче
Речи слушать,
Иначе
Сердце
Выпрыгнет из груди.

Знаю: рабочий сквозь море бед
Завтра знаменами мир измерит,
И не будет Европ и Америк,
Будет лишь
Коммунизм. Свет.

Это — завтра...

Нынче же — танки.
Нынче Ваньки,
Позавчера еще
Избитые в доску,
Пялят горящие
Глаза и папироску.

«Едем
К победе».

Это — бойцы.

Рядом отцы —
Не простирают объятья,
А разбивают проклятья
О каблуки
Влезающих в вагон.

Там — штыки.
Вот закон!
Рядом иные. Картина иная.
Тут не хотят ни рубить, ни колоть,
Тут
Не проклинают
Никого,
Только подпрыгивают плечи.

Рядом —
Иные речи:
— Сын мой, запомни завет Ильича!..

Кто-то продирается, крича.
Целая баталья!
Вижу:
Работница Наталья.

Вот подошла, протолкалась к сыну,
Сыну в лицо матерщиной плюет...
Вдруг —
Из узла душегрейку вынув,
Сует...
Вдруг —
Затрещина!

Видно, боем
В сердце своем разрядила грозу
И ушла, унося с собою
Горькую, невыданную слезу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КОМАНДИРОВКА

1

Только пришел — через час
Приказ:
Пожалуйте в командировку...
Что же? Покажем сноровку.
Сбор ведь недолог наш.
Втиснулся я
В теплушку
Со смехом...
Шапка — подушка.
Портфель — багаж.
Поехал!

2

Хожу, хожу по деревушке
Отыскивать ячейкин след.
Ох, неприветливы избушки!
У нас-де консолистов [1] нет...

Однакоже Совет не слопан,
Разверстку сдали... Может быть,
Сюда приходят с микроскопом [2],
Чтобы ячейку находить?

[1] Консолист — искаженное «комсомолист» — комсомолец.
[2] Микроскоп — увеличительный прибор для рассмотрения мельчайших веществ, не видимых простым глазом.

Нашел. Ребята боевые.
Все молодежь — фронтовики.
Кулацкий дым глаза не выел —
Отменные большевики!

Длинна и сладостна беседа
За хлебом с крынкой молока,
Хотя изба невелика,
А дух от самосада едок.

Пока я ем краюху эту,
Гляжу на свой, на новый мир...

Прошлонедельная газета
Зачитывается до дыр...

Я узнаю, что в Комсомоле
В три раза более «членов»,
Но большинство из них... в подпольи!
(Отцы и дети! Старь и новь!)

Загнали пареньков в конурки,
Но кулачня в кулак взята.
— Заели чортовы «культурки»...
— Антилигенция вся там...

— С культуркою поспоришь нешто,
Когда в кармане ни шиша?
— Одна у нас теперь надежда:
Партейная учительша.

— Мы с нею грамоте начали...
— Ученье не ученье — сласть!
— В Петровке мы попа скачали...
— В Ивановке Союз наш — власть...

— Ништо! Мы выдержим, братишка!
Кулацкий поприжмем живот...

Глаза его ласкают книжку
(Дикштейн, А. И. «Кто чем живет?»).

И я задумался, печальный.
Я был усерден или глуп?
О, тезисный урок скандальный!
Где школы, где кружки, где клуб?

Вот чем важна вот эта горстка
Гудящих гордо мне в ответ:

— Мы сдали первыми разверстку...
— Эсеровский смели совет...
— Мы помогали продотрядам...
— Красноармейкам запахать...

А сколько ведь врагов здесь рядом,
Готовых им бока намять?!

Поэты, пафос свой утроив,
Словесных взгромоздивши глыб,
Искали б в небесах героев,
А этих не увидели б!

Но нет! Придет поэт из стали —
И он расскажет про удел
Тех, что грядущее ковали
Величьем незаметных дел.

3

Нечем в избе дышать.
— Инда вспотела душа!
Так говорят ребята.
Вышли. Изба-то!
Мы
Окружены.
— Ну-ка,
Докладывай насчет войны!
Докладывай! Легко сказать!

Волнующийся, начинаю.
О, как бы им слова связать,
Премудростью не начиняя!

Иной, забывши о часах,
Кричит про вред «импириализма», —
Другой, начав о сапогах,
Докажет пользу коммунизма.

И я заговорил о буре,
Что старый мир сотрет во прах,
Начавши о мануфактуре,
Колесной мази и гвоздях,
О трудовом крестьянском люде,
Коммунах и субботниках,
О семенной бесплатной ссуде,
О транспорте и о пайках...

Пусть кто-то ропщет, кто-то злится
И тянет их к устоям тьмы, —
В них голоснет за нас
Землица,
Которую им дали
Мы.

Уехал. Да, лишь нам — заводу —
Деревню старую спасать,
Но все-таки, не вызнав броду,
Не надо... тезисов писать.

4

Лошадь мне дали скоро.
Я нахлобучил шапку,
Себя — в охапку.
— Ну-ка, в уездный город!

— Вот и распутица!
Это ямщик на передке.

Я — кутаться.
Думаю о городке.

Верно, работают пылко.
Штопают сотни прорех.

Эх, уездкомовская кобылка,
Которая везет за всех...
Путаюсь в лапах сна.
Ехать еще не привык.
— Скоро совсем весна.
Это — ямщик.

5

Ночь.
Вычерпывая сапогами лужи,
Бреду с подвязанной рукой.
В кармане хлеб (обед и ужин),
Четвертка. Рядом с нею — кольт [1].

Весна — нахал — знакомства ради
Заглядывает через плечо...

Я с лекции: «о белом гаде».
Я не весною увлечен
И вдруг кричу:
— Бери винтовку!
Всю землю надо на ремонт!
Вот сбуду с рук командировку —
И за ребятами на фронт...

Но я один...
Домишки, уж не вам ли
Я лекцию здесь повторил?
Что скажете на это, мямли?
Ну, как, — не плохо говорил?

---

[1] Кольт — система револьвера.

Но вам, наверно, вечно снится
Листок охранный для замков:
«Освобожден от реквизиций,
От постояльцев и мозгов»...

Пришел к себе. Коптилку взяв,
Строчу статью об интернате[1],
А за стеною у хозяв
Поскрипывают души и кровати.

6

Калоши держу на коленях.
Просто сплошное апчхи!
На нос надень их —
Очки,
На ноги напялишь —
Глыбы...

Если б нарочно искать эту залежь,
Век найти не смогли бы!

Нынче хозяин съязвил: — Носите
Социализма ради...
Я перед ним ударился в митинг:
— «Помните о блокаде!»

Да, — но калоши, калоши...
Вот и шагай к заставе.

Все-таки хозяин хороший...
Даже самовар ставит...

Ну, а хозяйка, когда ни поймает,
Вечно сопит превосторженным гласом:
— Эта кастрюля — тенором запевает,
Эта — сапраною, эта вот — басом...,

---

[1] Интернат — общежитие при учебном заведении закрытого типа.

Вот поэтесса от гречневой каши!
Тоже ведь, можно сказать, на посту!

Кашель.
Стук.
Через порог
Колобок.
(Если б, съедобный — сшамал!)
Тенорок.
Говорок:
— Покалякаем по душам, мол...

Тенорок в дробь.
Разговаривать хозяин начал.

Помойное ведро —
Не иначе!

Видно, ведро это дало течь.
Хлюпает сердце, подобное жабе.
Речь...
Хляби...

Дескать, не надо бы с властью возиться.
Взяли вот власть, да не так, с кондачка.
Реквизиции...
Чека...

Большевики — это сытые рожи,
Без бриллиантов не ходит никто.
Может быть, ты лишь один хороший,
А остальные — не то...

Видел я, видел: с этим жупелом
Двигались тысячи тысяч лап.
В тысячах ведер помойных хлюпала
Целая армия таких жаб...

А у меня моя мысль простая
Пучилась гневом, язык теребя,

А у меня в груди вырастала
Целая армия союзных ребят...

Вдруг —
Парою рук
Схватил сюртук.
В сюртуке хозяин
И армия жаб.
А мы с ребятами вонзаем
Лезвее ножа.

Горю,
Говорю:

— Мне ВЧК — маяк.
Первый кричу я: врага — руби!
Каждая пуля в Чеке — моя!
Каждую жертву — и я убил.

Обыск ли, ордер на вас — и мой.
Кости больные мы вылечим — в гипсе!
Сам я виновен каждой виной,
Каждой ошибкою — я ошибся.

Язвы, на теле и тело — мое,
Я — это Партия — плоть комсомольца.
Партия бранных и будних боев,
Партия класса из стали и солнца...

Гром.
Зверь.

Кто-то взревел, как рычат звери.
Я сюртуком —
Выстрелил в дверь,
Деревом раскровянились двери.

. . . .

Вечер.
Но солнце не меркнет.
Еду на фронт я, встречать весну.

Слышу:
Хозяин, вернувшийся из церкви,
Бьет беременную жену.

7

Эх, тяжела рука...
Хочешь на фронт биться,
Тут — Цека:
— Пожалуйте бриться...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В ПУТЬ

Цека играет человеком,
Оно изменчиво всегда:
То вознесет его высоко,
То бросит в бездну без стыда.

Ты, скажем, пожелал учиться
(Мол, так и так: я очень сер),
Оно ж пошлет тебя лечиться
Иль даст мандатец — в ДВР.
На фронт захочешь... Что такое?

В Саратов! К теткам! В глушь! В уезд!
Да, все мы ходим под Цекою...
Но за Цекой — никто не съест.

Я посылаю неизменный
Привет всеведущей Цеке...

Итак, я переброшен в Энный,
Два дня — и еду налегке.

Прощай, знакомая каморка!
Мне нечего тебя жалеть,
Везде есть свойская махорка,
Везде я буду песни петь:
— Ну, коммунисты, публика
Все мыслит об одном:

Жила бы Совреспублика,
А мы-то — проживем!

Имея волю молодую,
Любую вынесем беду.
Куда теперь ни попаду я, —
В семью родную попаду.

И будет спор в любом вопросе,
И будет приключений тьма,
И будет осью нашей — Ося,
И будет нам кузьмить Кузьма,

И будут Кости, будут Мани,
И марш на стульях, и завод,
И днем станок, а в ночь поход,
И будет вечный шиш в кармане.

Мы любим, любим труд, винтовку,
Ученье (хоть бы на лету),
Мы любим вкусную шамовку
И даже смерть, но — на посту

Ах, Комсомолия! Мы — почки
Твоих стволов, твоих ветвей!
Люблю, люблю я уголочки
Любой провинции твоей.

Мы, Октября стальные дети,
Растем в тебе, чтоб вновь расти, —
Чтоб в большевицком партбилете
Мандат на стройку дней найти.

Из нас бы каждый сердце вынул,
Иль с радостью хоть где корпел,
Чтоб только быть достойным сыном
Огромной мамы — РКП!

Мы вырастем! Мы будем, будем
Расти опять и вновь расти,

Чтоб солнце потерявшим людям
Быть в праве указать пути.

И смерть ведь не поставит точки
Делам сегодняшних людей!
Ах, Комсомолия, мы почки
Твоих стволов, твоих ветвей!

Так совершай свой путь, о солнце!
Плывите через нас, года!
Я буду сед, — но комсомольцем
Останусь, юный,
Навсегда!

. . . .

Завод — отец. Ячейка — дом.
Семьища — книги, труд, ребята.
Мы в Комсомолии живем —
Стране великой и богатой.

Мне радость — брат, а солнце — тезка.
Вот ковка дней. Я кузнецом.
И вот вам, вот мое лицо,
Лицо рабочего подростка.

Июнь-октябрь 1923 г.

Тираж 100 000 экз.

Уполномоченный Главлита В-33942
Огиз № 235 X-IIa. Заказ № 4157
Формат бум. 72x94 1/32. Печ. листов 2

Сдана в набор 27 октября 1933 г.
Подписана к печати 21 декабря 1933 г.

Редактор В. Казин
Технический редактор Е. Лукашевич

Цена 25 коп.
Перепл. 10 коп.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА:
Москва, центр, ул. 25 Октября, 10/2.
СКЛАД ИЗДАНИЙ:
Москва, центр, Бол. Черкасский, 2.
Книгоцентр

